

ЛАНА БАРСУКОВА

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЛАНЫ БАРСУКОВОЙ**

Любовь анфас

Счастливые неудачники

Сочини мою жизнь

Счастье ходит босиком

Любовь и выборы

Судьбы водят хоровод

Ничего, кроме личного

Дорога в Гарвард и обратно

Запасные крылья

Долевая нить

ЛАНА БАРСУКОВА

ДОЛЕВАЯ НИТЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Барсукова, Лана.

Б26 Долевая нить : роман / Лана Барсукова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-242833-3

1990-е годы

Лишь один шаг отделяет бывшего партийного функционера Одинокова от решающей победы в ходе дележа собственности. Казалось, крупный кусок пирога уже в руках, будет что передать дочери Юленьке. Но неожиданно все рушится. И виной тому оказывается платье его супруги, сшитое молодой портнихой Таей.

Наши дни

Богатая и влиятельная москвичка Юлия Одинокова в страшном сне не могла представить, что попадет на операционный стол в провинциальной больнице Мухарпенска. Но на этом потрясения не заканчиваются. В ее мечтах поселяется местный хирург Муранов. Мужчина такого калибра должен принадлежать ей. И то, что он счастливо женат, ничего не меняет. Одинокова привыкла получать от жизни все, что захочет.

Нитка в руках портнихи Таи сшивает эти истории в единое целое. Плотные стежки собирают разрозненные судьбы в один лоскутный ковер, вмещающий в себя и профессиональные амбиции, и мольбу о материнстве, и потерю себя, и боль братского отчуждения. И один на всех вопрос: можно ли кроить жизнь, как хочется? Или у каждого есть своя долевая нить, о которой нельзя забывать?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242833-3

© Барсукова Л., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть 1

БОЛЬНИЧНАЯ САГА

Невиноватая шаурма

В перерывах между приступами боли, опоясывающей тело огненным бичом, Юля хватала ртом воздух и продолжала думать одну и ту же навязчивую мысль: «Как же меня угораздило? А вдруг я умру в этой дыре?» Она, красивая, богатая, знаменитая бизнес-леди, словно провалилась в чужую жизнь, где ей не место.

Все началось с безумной идеи прошвырнуться по российской глубинке. Если речь шла о бодрящем веселье, разрывающем серую ткань будней, то за него отвечал Никита. Актер по профессии, он всецело зависел от Юли, играющей в кинопроизводстве не последнюю роль. Совсем не последнюю.

Когда скука и усталость поднимались выше критической отметки, Юля чувствовала потребность побыть шальной императрицей. Для этого прекрасно подходил Никита, чье мускулистое тело и авантюрные идеи Юля иногда брала напрокат. На этот раз он придумал вояж в эту дыру, обещая феерию ярких эмоций. «Убью уroda!» — думала Юля, сжимая зубы перед натиском очередного болевого штурма.

С вечера ничто не предвещало такого драматического исхода. Провинциальное лето доверчиво раскрывало перед ними свои объятия. Ветерок разгонял

духоту и словно ластился к столичным гостям, деликатным дуновением извиняясь за убогость ландшафтного дизайна и скромность архитектурного замысла.

Было весело шататься по городку и оттачивать шутки по поводу его отставания от Москвы. Дыру в дороге с обрушившимся асфальтом и рваными краями, похожую на пасть подземного монстра, Никита назвал началом строительства местного метро. Шутка зашла на отлично, чему способствовали две бутылки игристого, выпитые из бумажных стаканчиков. Никита продумывал все до мелочей. Он решительно забраковал тонкие фужеры, которые могли ослабить эффект, снизить остроту шутовского драйва. Кураж подстегивался тем, что дорогое шампанское, ценой перекрывающее бюджет поселкового совета, разливали в плебейские стаканчики и заедали шаурмой из ларька, завернутой в промасленную бумагу.

Никита старался не только ради Юли. По старой привычке, ставшей второй натурой, он никогда не забывал о себе, не упускал из виду собственные интересы. Эта поездка замышлялась и как развлечение для сумасбродной Юли, и как полезный тур для него самого, почти командировка. В скором времени Никите предстояло сыграть героя, барахтающегося на дне жизни в окружении пластмассовых вилок и вонючих дошираков. Никита предпочитал погрузиться в материал, почувствовать кончиками пальцев жизненную ткань своего персонажа. Поездка отлично подходила для полевых заметок и актерских этюдов о жизни провинциальных нищebroдов. Никита впитывал местный

колорит, надеясь впечатлить режиссера точным попаданием в образ.

Юля не особо вдавалась в эти детали, ей было просто весело. Она приседала от смеха, когда Никита приставал к случайным прохожим с вопросом, где тут можно найти звезду Мишлена. Шутка юмора заключалась в том, что наивные люди при упоминании звезды автоматически поднимали глаза к небу, не понимая, что главные звезды живут совсем в другом месте, на табличках дорогих ресторанов. Словом, все складывалось неплохо, даже отлично. Пока не пришла ночь.

Ночью Юля проснулась. Внутри было нехорошо. Сначала Юля грешила на шаурму, но боль, гнездившаяся где-то в животе, нарастала с такой чудовищной силой, что вряд ли маленький кусочек, который она с отвращением проглотила, мог так безжалостно располосовать ее нутро.

Корчась от боли и тошноты, Юля почти с ненавистью оглядела смазанный полумраком гостиничный номер. Шторы с ламбрекенами, обшитыми нелепой бахромой, обои с позолотой, завернутой в причудливые вензеля, весь этот примитивный люкс вызывал гадливое отвращение. И даже посапывающий рядом Никита с внешностью восходящей российской звезды-однодневки не мог облагородить эту припудренную второсортность.

Долго разглядывать интерьер не пришлось. Организм отчаянно ломало изнутри, словно там поселился коварный гном, стремительно превращающийся в великана с раскаленным хлыстом в руках. От боли нутро скручивало и выворачивало наизнанку. Нарастающая тошнота

требовала выхода. Началась безудержная рвота. Юля обильно блевала, держась за живот, где был эпицентр боли. Сил дойти до туалета не было. Свесившись с кровати, она судорожно изрыгала свое внутреннее содержание и, казалось, отдавала богу душу. Руками она хваталась за живот, а мыслями — за проклятия в адрес того, кто выманил ее из Москвы в этот убогий Мухарпенск. В Москве с ней ничего подобного не могло произойти по определению. Москва ее любит, облизывает, лелеет, потому что знает ей цену.

И как этому уроду удалось ее уговорить? Никита обладал красноречием, в этом ему не откажешь. «Уходящая натура, — говорил он, — островок прошлого века, настоящая глубинка без прикрас и иллюзий. Гарантирую отложенный эффект: ты начнешь ценить цивилизацию. Нужно почувствовать этот вайб, эту затхлость безвременья. У уродства тоже есть свой шарм».

Вайб опоздал, шарм где-то заблудился. Их опередил новый приступ боли. Юля завывала, вплетая в вой матерные слова в адрес Никиты. «Урод! Скотина последняя! Какого черта мы поперлись в эту гребаную дыру?» От этих ласковых слов он проснулся.

Нужно отдать ему должное. Почувствовав неладное, Никита мухой метнулся в ванную и вынес оттуда гору полотенец, сложенных наподобие башенки. Это был тот самый случай, когда отель пытался количеством компенсировать их весьма посредственное качество.

Никита суетливо крутился рядом и пытался полотенцами прикрыть блевотину, растекающуюся по полу. Действовал он исключительно ногами, как полотер.

Одновременно дрожащими пальцами он набирал номер скорой помощи, преодолевая скользкий страх, что в этой дыре государство не оказывает населению такую услугу. Он кидал все новые и новые пласты махровых промокашек и отчаянно кричал в трубку: «Скорее! Да не знаю я! Хрен тут разберешь, что с ней». На том конце пытались задавать какие-то вопросы, но вместо ответа он наращивал обороты истеричных требований: «Быстрее! Сколько можно ждать? В этом говногороде вообще работает скорая?»

Юля почти с ненавистью посмотрела на Никиту. И дело даже не в том, что он тоже ел эту проклятую шаурму и ему хоть бы что. Раздражала его красота. Даже паника, плескавшаяся в его глазах, и сморщенный от брезгливости нос не могли перечеркнуть его неоспоримую внешнюю привлекательность. Высокий лоб, явно выраженная скуластость, крупные губы и слегка обобщенная ямочка на подбородке сложились в том уникальном сочетании, когда природа попадает в яблочко. Архитектура лица предопределила судьбу. Лицо просилось на всеобщее обозрение. И попало туда. Никита стал артистом. Правда, пока стоящим в очереди за славой. А значит, он сильно зависел от таких, как Юля. Ведь именно она, будучи известным продюсером, нарезала славу крупными ломтями, отчего всегда была окружена страждущими. Впрочем, большинству доставались мелкие дольки или вовсе крошки с ее разделочной доски.

В очередном приступе Юля метко блеванула на ногу Никиты, будто отомстила ему и за шаурму, и за красоту, и за креативность, заведшую их в эту дыру.

— Твою ж мать! — взвыл артист и попрыгал на одной ноге в ванную. Почему-то он опасался наступать на обгаженную ногу.

Боль нарастала, часы тикали, Никита орал по телефону — и так по кругу. Мучительная закольцованность длилась, казалось, бесконечно. Юля почти поверила, что умирает. И почему-то знала, что попадет в ад.

И когда резь в животе стала совсем нестерпимой, заставляя Юлю унизительно скулить на глазах ошалевшего спутника, раздался требовательный стук в дверь.

— Скорая, — просиял Никита и кинулся открывать дверь их люкса.

Быстро, но без излишней суеты в номер вошли двое. Щуплый мужчина и женщина гренадерского сложения, оба в синих униформах. Мужчина нес чемоданчик, а женщина шла налегке.

— Наконец-то, — голос Никиты дрожал от радости, смешанной с праведным гневом. — Сколько можно вас ждать? Пешком шли? По звездам сверялись?

— Цыц! — коротко скомандовала женщина, и Никита осекся. От нее исходило суровое право повелевать. — Давно началось это безобразие?

— Ночью, — пропищала Юля.

Властность женщины словно перекрыла поток рвоты. Юля получила краткую передышку и, обессиленная, откинулась на подушку.

— Что ела? — спросила женщина и, не дожидаясь ответа, присела на край кровати, сдвинув ногой гору грязных полотенец.

Довольно бесцеремонно она начала мять Юлин живот. Даже в своем жалком состоянии Юлю передернуло

оттого, что к ней обратились на «ты». И что врачаха не помыла руки.

— Шаурму, — с вызовом ответила она. — Мы же не знали, что в вашем городе это смертельный номер...

Вынести приговор Мухарпенску она не успела. Врачиха надавила на живот так метко, что Юля заорала от резкой боли.

— Ясно. Шаурма не виновата, — вынесла та оправдательный вердикт.

На этом диагностика закончилась. Врачиха пошла мыть руки, отдавая приказания по ходу.

— Быстро собираемся. Паспорт есть? Срочная госпитализация. Звони! — крикнула она мужчине.

— Что со мной? — Юля не намерена была сдаваться без боя. Ее глубоко оскорбило, что врачаха мыла руки не до, а после контакта с ней. — Может, просто дадите адсорбент? Мне бы только до Москвы добраться... Я категорически не хочу тут оставаться.

— От Москвы ты сейчас далеко, а до смерти четыре шага, — без тени юмора напела врачаха.

Это было уж слишком. Петь в такой ситуации было верхом бестактности. Юля хотела поставить на место зарвавшуюся врачаху, которую жизнь уже наказала, заставив носить безвкусную синюю униформу, и она даже придала лицу выражение соболезнающего превосходства, но в этот миг боль хлестанула ее с такой силой, что она вскрикнула и схватилась за живот.

— Чего стоишь? — гаркнула женщина-гренадер, обращаясь к Никите. — Бери, неси, бегом!

Никита приблизился к кровати и участливо спросил:

— Юль, идти сможешь? Обопрись на меня...

Юля снова закричала.

— Уйди, полуфабрикат хренов! — Мужчина в синей униформе бесцеремонно оттолкнул Никиту. — Давай, держись за шею, молодая. Не бойсь, не уроню. А уроню, так подберу, быстро поднятое не считается упавшим. — Обмотав Юлю простыней, он сгреб ее, как котенка.

Потащил к выходу, где слегка замешкался, видя, что выносит ногами вперед. Так выносили покойников. Но разворачиваться было неудобно и некогда. Так и вынес, на всякий случай сплюнув через левое плечо.

А сзади торопливо шла врачиха и командовала по телефону:

— Кто там сегодня? Муранов? Пусть дождется. Похоже, гнойный перитонит... Ты у меня спрашиваешь? У меня в пальцах УЗИ нет... Все, везем. Доехать бы без приключений, а то сюда ехали, в яму колесом ухнули...

Никита плелся сзади. Он не знал, что ему делать. Хорошо, что врачиха обернулась и дала команду:

— Паспорт возьми!

— Чей? — решил уточнить Никита.

— Ее. — И добавила: — Свой тоже можешь показать.

— Зачем?

— Хочу фамилию, имя, отчество запомнить...

Никита приосанился. Он привык нравиться женщинам. И даже это создание в синей униформе хоть и отдаленно, но напоминало женщину.

— ...чтобы потом в районном чате объявление дать. «В городе орудует малахольный красавчик. Девки! Проходите мимо!»

И она устало засмеялась, наблюдая с высоты грендерского роста за тем, как улыбка сползает с бледного лица Никиты.

Операция

Дальнейшее Юля видела как сквозь закопченное стекло. Все было смазано, серо, мутно. Ей что-то вкололи, боль немного утихла, на ее место заступило ватное равнодушие. Вокруг сновали люди в белых халатах, бросали друг другу какие-то слова, вслушиваться в которые и тем более понимать их смысл Юля совершенно не хотела. На это не было ни малейших сил. Если бы ей сейчас сказали, что ее разберут на органы, она бы не дернулась. Хоть какой-то конец.

А люди, похоже, знали свое дело. И у них, в отличие от Юли, были воля и желание действовать. Юлю раздевали, перегружали на каталку, куда-то везли, дырявили вены, брали кровь, вливали содержимое неведомых ампул, лили на живот сопливый гель, катали по нему прибором, напоминающим джойстик от компьютерных игр, говорили непонятные слова, опять что-то кололи... Остатками сознания Юля улавливала, что все вокруг бурлит человеческой энергией, что все спешат и волнуются и только она лежит в полной беспомощности и ничем не может помочь этим людям спасти себя.

Последнее, что она отчетливо услышала, было:

— В рубашке родилась. Чудо, что Порфирий на месте. А ведь должен был на рыбалку уехать с мужем Татьяны Ивановны.

Юля поняла, что ей хана. В этой дыре оперировать будет какой-то Порфирий, что вполне соответствует вайбу этого городка. За именем тянулся образ старообрадца, отшельника, ну или, на худой конец, браконьера. Вот и рыбалка в масть ложится. Ее, эмблему Патриков и украшение Рублевки, зарежет дремучий Порфирий, что немного смешно и очень грустно. Как будто судьба не просто боднула прежнюю любимицу, а сделала это с особым цинизмом. «Я не хочу Порфирия! Капец!!» — беззвучно закричала Юля. Но после всех манипуляций голос не повиновался ей. Она только шипела, как кошка, которая не может добраться до мыши, спрятавшейся за веником, а тем более до Порфирия.

Потом нестерпимо яркий свет, зажженный прямо над ее глазами, и голос как с небес:

— Наркоз. Начинаем...

Юля падала в сон, чувствуя, что за всю свою везучесть, которой ее щедро одарила судьба, она расплатилась одним махом, но сполна. Бог кинул кости, и ей выпал Порфирий. Последними проблесками сознания она рванулась вперед, разрывая грудью ленту, на которой вместо слова «финиш» было написано «капец». В этот момент для Юли все закончилось, она стала просто телом, над которым сосредоточенно склонились люди, чьи лица закрывали маски.

— Пора бы ей уже просыпаться, — первое, что услышала Юля, выплывая из наркоза.

Но она мстительно не подавала признаков жизни. Почему-то ей хотелось, чтобы за нее поволновались. Как

следует. Чтобы вокруг начались танцы с бубнами. Чтобы у врачей затряслись руки, а неведомый Порфирий начал заикаться. И тогда она милостиво воскреснет по дороге в морг. Так воедино сплелись детская капризность, женский эгоизм и прихоть творческой натуры.

Вместо этого произошло совсем иное.

— Эй, просыпаемся! — Голос был лишен сантиментов. — Вы меня слышите? Откройте глаза, если слышите.

Юля еще плотнее сжала веки. Из мстительной вредности.

Бац! Бац! Бац! Хлесткие звуки сопровождались ожогом, переходящим от одной щеки к другой. Юля даже не сразу поняла, что ей надавали пощечин. Это было настолько неправдоподобно, что она не просто открыла глаза, а выпучила их, с изумленной ненавистью пытаясь увидеть того, кто посмел ее ударить. Однако наркоз еще туманил сознание, мозг сбоил, изображение дробилось, и она видела лишь плывущие, как на карусели, фрагменты коллажа: пятно лица в обрамлении белой ретуши, черные разводы на этом пятне — то ли очки, то ли усы, то ли брови. Она точно знала, что это Порфирий. Имя обязывало иметь повадки старорежимного деспота. Одурманенное наркозом воображение рисовало картинку замшелой старости и обозленной немощи. Ну а то, что голос моложавый, так это нормально. Голос — последнее, что у человека отбирают годы.

— Проснулась, значит, — услышала Юля. — Это хорошо. — Пятно лица отклонилось, голос поплыл куда-то вбок. — Люда, в реанимации глаз с нее не спускать. Едва